

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.60.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.004)

Оригинальная статья / Original paper

Ю.А. Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Регулирование запретов на чтение книг воспитанниками православных духовных семинарий в первые годы после реформы духовного образования 1867 г.

Аннотация

Статья посвящена введению запретов на чтение антирелигиозной и антиобщественной литературы воспитанниками православных духовных семинарий после реформы духовного образования 1867 г. В ходе реформы была переосмыслена система управления православными духовными семинариями как в центре, где был образован Учебный комитет Синода, так и на местах, поскольку правления семинарий была предоставлена широкая автономия, в том числе в вопросах комплектования библиотек и организации внеклассного чтения. Чтение семинаристами «вредной» литературы, выявленное в первый же год после реформы, стало проверкой на прочность всей системы. В статье показано, как в течение нескольких лет Учебный комитет был вынужден перейти от рекомендаций отдельным семинарским правлениям к циркулярным указам и введению обязательных для всех «Правил касательно приобретения книг в ученические библиотеки и порядка чтения оных учениками» (1872). Ставится вопрос, почему правления семинарий не смог-

ли воспользоваться предоставленной им автономией, а «запрещенная литература» оказалась в зоне неопределенности. В качестве кейса рассматривается разнообразие ситуаций с книгой «История умственного развития Европы» Д.У. Дрейпера, признанной «вредной» синодальными чиновниками. Показано, что члены правлений духовных семинарий, отвечавших за комплектование библиотек, как правило, заказывали книги, ориентируясь на названия и не знакомясь с их содержанием. Именно таким образом в ученические библиотеки проникали «вредные» новинки, какой была книга Дрейпера, изданная в 1862 году. С другой стороны, преподаватели были способны к рефлексии о степени нежелательности чтения учениками известных работ — например, статей В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова. Их оценки были диаметрально противоположными — от использования на уроках до изъятия из обращения. На ситуацию не смог повлиять даже циркулярный указ Синода 1870 г., запретивший чтение критиков семинаристами. Таким образом, заложенная в Устав 1867 г. идея широкой автономии правлений семинарий неизбежно давала сбой. В случае с запретом на книги происходило рассогласование того, что можно считать «вредным» или «несогласным с целью духовного образования», как среди членов Учебного комитета, так и среди преподавателей.

Ключевые слова:

православная духовная семинария; реформа духовного образования 1867 г.; бюрократические практики; Учебный комитет Св. Синода; история чтения; запрещенная литература

Для цитирования:

Сафронова Ю.А. Регулирование запретов на чтение книг воспитанниками православных духовных семинарий в первые годы после реформы духовного образования 1867 г. Исторический вестник. 2026. Т. 60. С. 136–161. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.60.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.004)

Julia A. Safronova

European University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: jsafronova@eu.spb.ru

The Regulation of Book Reading Prohibitions for Students of Orthodox Theological Seminaries after the 1867 Spiritual Education Reform

Abstract

This article examines the imposition of restrictions on the reading of anti-religious and anti-social literature by students of Orthodox theological seminaries following the 1867 reform of spiritual education. The reform led to a reconceptualization of the administrative system governing these seminaries, both centrally, with the establishment of the Synod's Educational Committee, and locally, as seminary boards were granted broad autonomy, including in matters of library acquisitions and the organization of extracurricular reading. The discovery of seminarians reading «pernicious» literature in the very first year after the reform tested the resilience of this new system. The article demonstrates how, over several years, the Educational Committee was compelled to shift from issuing recommendations to individual seminary boards to promulgating circular decrees and, ultimately, introducing mandatory «Regulations Concerning the Acquisition of Books for Student Libraries and the Order of Their Reading by Students» (1872). The study raises the question of why the seminary boards failed to utilize the autonomy granted to them and why the category of «prohibited literature» became a zone of ambiguity due to inconsistent understandings of what specific reading material was «incompatible with the goals of spiritual upbringing». The case study examines the diverse range of situations surrounding the book *History of the Intellectual Development of Europe* by J.W. Draper, which was deemed «pernicious» by Synodal officials. It is shown that members of the boards of theological seminaries, who were responsible for stocking the libraries, typically ordered books based on their titles without familiarizing themselves with their content. It was precisely in this manner that «pernicious» new works, such as Draper's book published in 1862, infiltrated student libraries. On the other hand, instructors were capable of reflecting on the degree to

which it was undesirable for students to read certain well-known works — for instance, articles by V.G. Belinsky and N.A. Dobrolyubov. Their assessments were opposed, ranging from using the works in the classroom to removing them from circulation entirely. Even the Synodal circular decree of 1870, which prohibited seminarians from reading these critics, failed to influence the situation. Thus, the idea of broad autonomy for seminary boards, as enshrined in the Statute of 1867, inevitably led to failures. In the case of book bans, there was a discordance regarding what could be considered «pernicious» or «inconsistent with the goals of religious education», both among members of the Educational Committee and among the teaching staff.

Keywords:

Orthodox Theological Seminary; The 1867 Reform of Spiritual Education; Bureaucratic Practices; The Educational Committee of the Holy Synod; History of Reading; Prohibited Literature

For citation:

Julia A. Safronova. The Regulation of Book Reading Prohibitions for Students of Orthodox Theological Seminaries after the 1867 Spiritual Education Reform. *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 60. P. 136–161. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.60.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.004)

1876 г. в революционном журнале «Вперед!», издававшемся в Лондоне под редакцией П.А. Лаврова, была опубликована анонимная корреспонденция из Вологды, посвященная ревизии местной духовной семинарии членом Учебного комитета Синода С.В. Керским. Поводом для экстренной ревизии осенью 1875 г. стал политический процесс над ее выпускниками В.М. Дьяковым и А.И. Сиряковым¹. Среди прочего анонимный корреспондент описал комический эпизод «гонений». Один из учеников сообщил ревизору, что он читал книгу американского философа Д.У. Дрейпера «История умственного развития Европы» (1862). После этого в класс «прибежал» инспектор семинарии Е.А. Прозоровский

¹ Михайлов Б.Г. Предвестники бури. Очерки о революционных народниках-воложанях. Архангельск, 1977. 121 с.

и объявил: «...у кого будет встречена запрещенная книга в роде Дрэпера (так. — Ю.С.), тот будет строго наказан. Ученики просят его сообщить, какие книги следует относить к недозволенным. Хитроумный Прозоровский отвечает на это: “не ваше дело, знать это; вы только не должны читать их!” <...> ...и не хитро и не умно: недозволенных книг не читай, а какие недозволены — знать этого не могли!»²

Автор корреспонденции предположил, что отказ инспектора сообщить, какие книги запрещено читать, связан с убеждением, что семинаристы немедленно начнут читать именно эти сочинения. В действительности ситуация была куда сложнее. Е.А. Прозоровский при всем желании не мог ответить на заданный вопрос, поскольку утвержденного Синодом списка запрещенных для чтения семинаристами книг попросту не существовало. Внезапный визит инспектора в класс может свидетельствовать, что о «недозволенности» Дрейпера он сам впервые услышал от ревизора перед разговором с учениками.

Несмотря на отсутствие официального списка или критериев, на основании которых наставники духовных семинарий могли бы определять «вредные» сочинения, чиновники Учебного комитета систематически использовали понятие «книги, не соответствующие целям духовного образования и воспитания»³. Параллельно в некоторых семинариях существовали инструкции для инспекции, которая должна была пресекать чтение воспитанниками книг, «пропитанных духом отрицания истин религиозных и проповедующих начала, вредные общественному благоустройству»⁴. Наконец, «чтение книг и сочинений, не дозволенных» иногда фигурировало в правилах поведения для учеников среди других «непозволительных занятий», таких как «игра в карты, пение неприличных песен, курение табаку, употребление охмеляющих напитков»⁵. Однако прямо сформулированные запреты на чтение составляли скорее исключение в ряду правил и инструкций, подготовленных педагогическими собраниями духовных семинарий. Например, правила для воспитанников Санкт-Петербургской духовной семинарии содержали только § 22, буквально повторявший §135 Устава 1867 г.⁶, который тре-

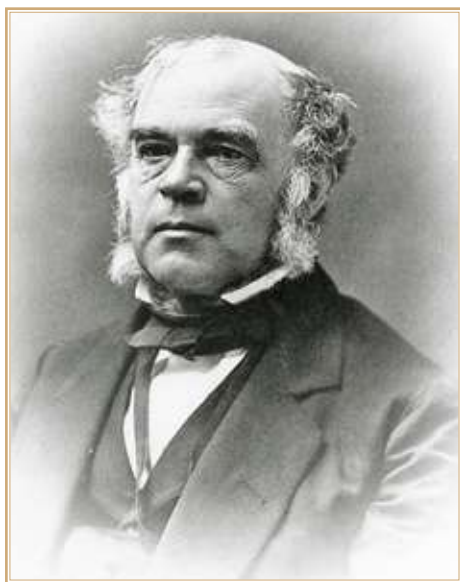
² Из Вологды // Вперед! 1876. № 31. Ст. 228.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 42. I отд. 2 стол. Д. 56. Л. 3 об.

⁴ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Орловской епархии в 1872 году. СПб., 1872. С. 52.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 45. Л. 109 об.

⁶ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. С. 29.

Джон Уильям Дрейпер.
Из открытых источников

бовал от учеников читать книги по рекомендации наставника, «имеющие ближайшее отношение к учебным предметам»⁷. Таким образом, среди членов Учебного комитета Синода и преподавателей на местах, безусловно, было распространено убеждение, что определенные книги могут быть опасны, а их чтение должно быть запрещено семинаристам. На практике как введение запретов, так и их реализация вызывали многочисленные затруднения. Как будет показано далее, само определение «вредного» сочинения различалось не только от семинарии к семинарии, но даже у чиновников Синода.

Запрет на чтение книг, разрешенных цензурой и формально доступных всем подданным Российской империи, не был особенностью духовного ведомства и касался не только воспитанников учебных заведений. В 1870-х гг. статус того или иного издания мог быть неопределенным и включать дополнительные параметры: для кого и при каких условиях книга запрещена или дозволена. Например, два рекомендованных Учебным комитетом в качестве пособий по литургике издания («Dictionnaire des antiquités chrétiennes» Ж.А. Мартины (1865) и «Liturgik der christl. Katholischen Religion» Ф.К. Шмидта (1840)) оказались не дозволены Комитетом иностранной цензуры к продаже в России, о чем синодальные чиновники не знали. Ректор духовной семинарии мог приобрести их при

⁷ Памятная книжка С.-Петербургской духовной семинарии. СПб., 1873. С. 37.

условии подписания обязательства не передавать книги третьим лицам, что лишало смысла покупку пособий в фундаментальную библиотеку учебного заведения⁸.

Разумеется, общеизвестным было существование изданий, прямо «запрещенных к обращению и перепечатанию в России», чтение и распространение которых было уголовно наказуемым преступлением. При этом «Алфавитный каталог» такой литературы, напечатанный Министерством внутренних дел в 1876 г., не был общедоступным и включал только 423 сочинения, изданные в 1800-х — первой половине 1870-х гг.⁹ Обычные читатели могли ориентироваться только на цензурное разрешение, но и оно не гарантировало, что издание действительно разрешено. Так, литература чайковцев выходила с подложными цензурными указаниями¹⁰. В 1874 г. в результате расследования «хождения в народ» появился «Список тех книг, которые пропагаторы распространяют в народе и вообще между молодыми людьми» («список генерала Слезкина»), в который были включены 6 книг, разрешенных предварительной цензурой, и 3 книги объемом более 10 листов, не требовавшие цензурного разрешения. Сам список и статус вошедших в него изданий на несколько лет стал предметом споров III отделения С.Е.И.В.К. и Главного управления по делам печати. Проблема была настолько острой, что в 1875 г. даже прокуратура не понимала, на каких основаниях можно преследовать за распространение разрешенных цензурой книг, признанных опасными и повсеместно изымаемых полицией¹¹. Книга Н.И. Наумова «Сила силу ломит» из «списка Слезкина» была найдена жандармами на квартире А.И. Сирякова в 1872/73 уч. г., но никаких последствий эта находка тогда не повлекла¹².

Таким образом, неопределенность и отсутствие точной информации о статусе того или иного издания в целом были характерны для рассматриваемого периода. В случае с семинаристами, однако, нарушение запрета на чтение влекло за собой наказание — от «стояния

⁸ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). СПб., 1870. С. 48.

⁹ Алфавитный каталог книг на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатанию в России. По 1 июня 1876. СПб., 1876.

¹⁰ Например, «Сказка о четырех братьях» Л.А. Тихомирова выходила под обложкой «Счастливая встреча или любовь к родине» с подложным указанием «Дозволено цензурою. Москва, 29 мая 1875 г.».

¹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 11. 1874. Д. 96. Л. 23–24 об.

¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 46. Л. 141.

Николай Иванович Наумов.
Из открытых источников

у порога столовой» до отчисления с «неодобрительным поведением» и отметкой о «крайней неблагонадежности», если ученик демонстрировал «неисправимость», как это последовательно случилось с воспитанником Киевской семинарии Шимановским¹³. В 1871 г. Учебный комитет сформулировал восемь пунктов нарушений дисциплины, требовавших немедленного исключения из духовной семинарии. Кроме пьянства, воровства и доказанного разврата в него вошли «распространение, каким бы то ни было образом, учений, признанных вредными существующими законами и т. п.» и «противонравственное и противорелигиозное направление, обнаружившееся в открытых заявлениях и действиях»¹⁴. На практике под эти пункты попадали чтение и обсуждение с товарищами «вредных» книг, а также составление на их основе сочинений. Ю.П. Орлова, изучив донесения семинарий Синоду об исключенных воспитанниках за 1868–1876 гг., установила, что такие дела составляли 13% от всех исключений¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 41. I отд. 2 стол. Д. 2. Л. 79–80.

¹⁴ Журнал Учебного комитета при Святейшем Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях 1871 года. СПб., 1873. С. 129.

¹⁵ Орлова Ю.П. Реформа духовного образования 1860–1870-х гг. и нравственный облик служителя церкви в представлениях членов семинарского сообщества // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 53–54.

Задача настоящей статьи — проанализировать практики контроля над чтением семинаристов и логику введения запретов в условиях неопределенности. За простым вопросом о том, почему Учебный комитет Синода не подготовил список запрещенных для духовных воспитанников книг или хотя бы инструкцию для их наставников, определявшую понятие «вредной» литературы, стоит ряд сюжетов об особенностях реформы духовного образования 1867 г. и бюрократических практиках, использовавшихся в ходе ее реализации. Необходимо рассмотреть, как именно происходило приписывание книге статуса «вредной» и почему такой статус не был очевиден всем участникам воспитательного процесса. В качестве точки отсчета мы проанализируем перипетии бытования «Истории умственного развития Европы» Д.У. Дрейпера в отчетах ревизоров Учебного комитета Синода. Далее будет обсуждена судьба циркулярного запрета обер-прокурора Синода Д.А. Толстого на сочинения В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова. В завершении статьи будут рассмотрены «Правила касательно приобретения книг в ученические библиотеки духовных семинарий и училищ, а равно и порядка чтения книг учениками» 1872 г., которые также не предотвратили чтение семинаристами запрещенных книг.

В 1867 г. в результате реформы духовного образования при Синоде был образован Учебный комитет, в состав которого впервые вошли штатные ревизоры¹⁶. В первый же год в ходе ревизии Костромской духовной семинарии обер-секретарем Синода И.А. Ненарокомовым был выявлен факт чтения учеником 2-го класса работы Дрейпера, русский перевод которой был издан всего лишь годом ранее. В отчете о ревизии И.А. Ненарокомов однозначно писал о ней как о книге, «...вышедшей без предварительной цензуры и, как известно, отличающейся вредным, особенно для духовных воспитанников, направлением»¹⁷. Случай, с его точки зрения, был особенно вопиющим, поскольку семинарист взял книгу в ученической библиотеке самой семинарии.

Важно пояснить, что Синод не контролировал семинарские библиотеки, которые к тому же довольно часто пополнялись случайными пожертвованиями. Согласно § 106 Устава 1867 г. выбор книг в фундаментальную библиотеку находился в ведении педагогического собрания

¹⁶ См.: *Ферапонт (Широков), иером.* Система ревизий духовно-учебных заведений во 2-й пол. XIX — нач. XX в. // *Христианское чтение.* 2024. № 2. С. 253–260.

¹⁷ *Ненарокомов И.А.* О ревизии Костромской семинарии и тамошнего духовного училища (в декабре 1867 г.). СПб., 1868. С. 10.

Дмитрий Андреевич Толстой. Худ. И.Н. Крамской.
Из открытых источников

правления семинарии¹⁸. 24 марта 1870 г. определением Синода правлениям было рекомендовано обращать «особое внимание на <...> направление» приобретаемых в библиотеки изданий, но это уточнение относилось только к светской периодике¹⁹. Сам Учебный комитет включал в программы курсов учебники и пособия, которые были обязательны к приобретению²⁰. Также в Синод систематически поступали ходатайства о «допущении к употреблению» той или другой книги в качестве учебного пособия в духовных учебных заведениях, о чем, в случае положительной резолюции, рассылались циркулярные указы²¹. Таким образом, в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Учебный комитет как институт рекомендательной библиографии для детского чтения²² находился в процессе становления и даже в подведомственных ему заведениях регламентировал только учебники.

¹⁸ Уставы и штаты духовных семинарий. С. 21.

¹⁹ Собрание постановлений Святейшего Синода 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ, согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб., 1875. С. 105.

²⁰ Например, по классу русской словесности в 1868 г. был рекомендован «Опыт краткого изложения теории словесности» К. Петрова. РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 388. Л. 50–58.

²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 80. Л. 46–47.

²² См.: Лучкина О.А. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. № 2. С. 117–121.

Епископ Игнатий Брянчанинов.
Из открытых источников

Ученическая библиотека согласно § 144 Устава не была обязательной, но могла быть учреждена решением правления, которое также должно было сформулировать правила ее комплектования и функционирования, утверждавшиеся епархиальным архиереем²³. В Костромской семинарии приобретение книг в ученическую библиотеку было поручено одному из наставников, который должен был составить список изданий, согласовать его с правлением, а затем, получив одобрение архиерея, закупить. Список был составлен им не по рекомендациям учителей, «каждого по своему предмету», как предполагал § 135 Устава, регламентировавший чтение семинаристов, а «на основании каталогов книгопродавцев и объявлений, пропечатываемых в газетах»²⁴. Судя по всему, ни членам правления, ни костромскому епископу Игнатию (Брянчанинову), в отличие от И.А. Ненарокова, не было известно, что приобретенная в ученическую библиотеку книга Дрейпера «вредного направления». Петербургский чиновник писал в отчете: «...воспитанники Костромской семинарии в деле чтения ими книг предоставлены скорее самим себе и разным небезопасным случайностям», иначе «книга Дрэпера не могла бы появиться в руках воспитанника». Он потребовал изъять ее из ученической библиотеки и изменить правила закупки книг,

²³ Уставы и штаты духовных семинарий. С. 31.

²⁴ Ненароков И.А. О ревизии Костромской семинарии. С. 10.

Георг Готфрид Гервинус.
Из открытых источников

чтобы впредь избежать приобретения «неизвестных правлению со стороны их содержания и благонамеренности направления»²⁵. Поскольку при осмотре библиотеки ревизор других «вредных» книг не нашел, а из светских журналов, также вызывавших опасения членов Учебного комитета²⁶, выписывались только «Журнал Министерства народного просвещения» и «...другой, по отделу естественных наук»²⁷, сочинение Дрейпера действительно попало в ученическую библиотеку по незнанию выписавшего его библиотекаря.

Если появление книги Дрейпера в Костромской семинарии было случайностью, в других семинариях оно могло быть частью осознанной стратегии преподавателей по приобретению передовой литературы в разгар обсуждения и реализации реформы духовного образования. Так, в Тифлисской духовной семинарии группа молодых учителей составила список книг для ученической библиотеки, в который вошли собрание сочинений Ж.-Ж. Руссо, «О происхождении видов» Ч. Дарвина и две книги Д.У. Дрейпера — «История умствен-

²⁵ Там же. С. 10–11.

²⁶ Определением от 20 марта 1870 г. в ученические библиотеки было запрещено приобретать «журналы и газеты, чтение которых учениками может быть с большою пользою заменено чтением книг, имеющим отношение к учебному курсу» — Собрание постановлений Святейшего Синода 1867–1874 гг. С. 107.

²⁷ Ненарокомов И.А. О ревизии Костромской семинарии. С. 11.

Афанасий Прокофьевич Шапов.
Из открытых источников

ного развития Европы» и «Гражданское развитие Америки (Мысли о будущей гражданской политике Америки)» (1866). Поддержавший их приобретение и даже пожертвовавший на это значительную сумму в 200 рублей инспектор (позднее ректор) архимандрит Валентин (Кузнецов), по мнению ревизора С.В. Керского, подобно своему коллеге из Костромы, «выписывал книги, не имея понятия об их содержании и пригодности»²⁸. Остальные преподаватели были прекрасно осведомлены о «направлении» выписанных ими изданий. Часть этих книг, в том числе работы Дрейпера, была изъята из ученической библиотеки накануне приезда в Тифлис ревизора И.К. Зинченко в сентябре 1872 г., хотя в ней остались издания, видимо, показавшиеся библиотекарю не столь опасными. Среди «немалого» количества книг, «не соответствующих целям духовного образования», ревизор назвал «Об ассоциации: Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть» Э. Пфейфера (1866), «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» А.П. Шапова (1870), «История девятнадцатого века от времени Венского конгресса» Г.Г. Гервинуса²⁹. После чистки ученической библиотеки 1872 г. тифлисские семинаристы стали брать «запрещенные книги», в том

²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 139 об.

²⁹ Там же. Л. 138 об.

Дмитрий Федорович Голубинский.
Из открытых источников

числе Дрейпера, Дарвина и Чернышевского в городской публичной библиотеке³⁰.

Между двумя крайними случаями бытования работы Дрейпера в Костроме и Тифлисе можно расположить еще несколько примеров ее обращения среди духовных воспитанников. В 1868 г. в ученической библиотеке Рязанской духовной семинарии тот же И.А. Ненарокомов нашел две книги, которые «положительно не могут быть терпимы» — собственно «Историю умственного развития Европы» и «Об электричестве и магнетизме» У. Циммермана (1862). В этом случае интересная его отсылка к ревизии 1867 г.: книга Дрейпера, «известная уже Учебному Комитету из моего отчета»³¹. Соседство двух изданий позволяет наконец выделить критерий, которым, по-видимому, руководствовался ревизор, относя какие-то сочинения к категории «вредных». Обе книги содержали в себе антиклерикальные и антирелигиозные идеи, причем на вторую известный богослов Д.Ф. Голубинский отреагировал брошюрой «Разбор и опровержение ложного мнения о Кивоте Завета (Против книги Циммермана “Об электричестве и магнетизме”»³².

³⁰ Там же. Л. 134.

³¹ Ненарокомов И.А. О ревизии Рязанской семинарии и тамошних духовных училищ (в феврале и марте 1868 г.). СПб., 1868. С. 11.

³² Голубинский Д.Ф. Разбор и опровержение ложного мнения о Кивоте Завета (Против книги Циммермана «Об электричестве и магнетизме»). М., 1862.

В том, что чтение «Истории умственного развития Европы» действительно было способно спровоцировать в семинаристах антиклерикальные настроения или поддержать уже сложившиеся, можно убедиться, обратившись к тексту статьи «Связь начала европейской цивилизации с ее современным положением», написанной воспитанником Архангельской духовной семинарии М. Колчиным для подпольного рукописного журнала «Развитие» в 1874 г. Статья представляет собой краткий конспект первых глав книги Дрейпера, на которого автор нигде не сослался, однако источник сочинения был определен инспектором семинарии В.Н. Шуйским³³.

Статья Колчина начинается как сбивчивый конспект третьей и четвертой глав книги о развитии религии, начиная с Индии и Египта, объявленными автором «исходным пунктом европейской цивилизации»³⁴. Колчин использовал эти сведения, чтобы сравнить индуизм и христианство: если современный человек считает догматы индуизма и буддизма «выдумкой, фантазией, <...> плодом созерцания природы», то через 500 лет «люди далекого будущего будут смеяться на нашими религиозными воззрениями»³⁵. Очевидно, предсказание вырождения христианства, а также радикальный тезис ученика 3-го класса, что все передовые мыслители прошлого от Сократа до Эразма были атеистами, шли вразрез с «целью духовного воспитания».

Таким образом, появление с первого года проведения ревизий именно книги Дрейпера в качестве «вредной» было основано на ее потенциально антирелигиозном содержании. Логику ее оценки И.А. Ненарокомовым можно понять, рассмотрев анализ другим ревизором И.К. Зинченко книги немецкого педагога К. Оппеля «Чудеса древней старины пирамид» (1868), которую он распорядился в 1871 г. изъять из ученической библиотеки Вятской семинарии. Признав работу одной из «самых лучших книг для чтения», он оценил ее «направление» как «совершенно противоположное задачам и целям семинарского обучения». Собственно ревизора не устроило научное объяснение десяти казней египетских как природных явлений, вызванных климатическими условиями Египта. Обстоятельства приобретения этой книги для учеников были аналогичны тому, как попал Дрейпер в библиотеку Костромской семинарии: инспектор рекомендовал Оппеля «по одному заглавию»,

³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 8. Л. 345 об.

³⁴ РИГА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 133.

³⁵ Там же. Л. 134–134 об.

Роберт Оуэн.
Из открытых источников

а правление распорядилось выписать, «не зная содержания»³⁶. Пять лет, прошедшие с момента начала реализации реформы 1867 г., не изменили подхода наставников к выписке книг. Они по-прежнему не читали сами то, что приобретали для своих воспитанников, ориентируясь на названия и рекламу от книгопродавцев.

В том же 1871 г. И.К. Зинченко обнаружил «Историю умственного развития Европы» Дрейпера в Курской духовной семинарии. Судя по записям выдачи книг из ученической библиотеки, больше половины воспитанников читали «сочинения: Дрейпера, Дарвина Белинского, Оуэна и др.», что отразилось на «направлении сознания»: «В некоторых богословских ученических сочинениях <...> такое обилие сведений по естественной истории, что их можно было бы назвать задачами по этому последнему предмету». Удивительно, но ревизор в отчете полностью сложил ответственность с преподавателей: «Из книг, конечно, а не от наставников ученики позаимствовались <...> взглядами»³⁷.

Такая снисходительность И.К. Зинченко была вызвана прецедентом: еще в 1868 г. воспитанник Гороховцев завел платную библиотеку из собственных книг, которую инспектор своевременно обнаружил и закрыл.

³⁶ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии (1871 г.). СПб., 1871. С. 36–37.

³⁷ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии (1870 г.). СПб., 1871. С. 36.

Показательно, что часть книг (сочинения В.Г. Белинского и Г.Т. Бокля) была изъята правлением в фундаментальную библиотеку сразу, а некоторые другие были переданы инспектору для изучения и вынесения вердикта, «не заключается ли в них статей, не подлежащих чтению учениками»³⁸. Кроме журналов «Современник» и «Дело», в их число попали книги под названиями «Гражданский брак» и «Ассоциация рабочего класса»³⁹, содержание которых учителям, очевидно, было не известно. В этом случае решался вопрос, оставить ли книги Гороховцеву, если они безвредные, или изъять до выпуска в фундаментальную библиотеку. Таким образом, учителя Курской духовной семинарии своевременно проявили бдительность, что отличало их от большинства коллег, продолжавших беспечно относиться к чтению воспитанников.

В отчете о ревизии И.К. Зинченко высказал парадоксальную мысль: «изъятие из ученической библиотеки книг <...> не может вполне устранить то зло, которое причиняется семинарии в учебно-воспитательном отношении обращением этих книг между учениками»⁴⁰. Вероятно, этот комментарий был вызван тем, что к моменту ревизии члены Учебного комитета уже имели опыт изъятия книг из семинарских библиотек и могли оценить его результаты.

Весной 1870 г. обер-прокурор Синода впервые использовал циркулярный указ для регулирования чтения определенных авторов в реформированных семинариях. 4 апреля 1870 г. было запрещено использовать статьи В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова при преподавании курса словесности, а семинарским правлениям было приказано изъять их сочинения из библиотек⁴¹. Поводом для него послужило обсуждение отчетов епархиальных архиереев за 1867/68 уч. г., в одном из которых было указано, что статьи критиков использовались преподавателем на уроках словесности⁴². Случай, по-видимому, не был единичным. Преподаватель истории русской литературы Подольской семинарии в 1868/69 уч. г., когда еще не было разработано официальной программы по этому предмету, уделил изучению Белинского целый урок, меж-

³⁸ Там же. С. 40.

³⁹ В первом случае речь может идти либо о романе «Гражданский брак», вышедшем под псевдонимом Н-ы М-ва (1867), либо о пьесе Н.И. Чернявского (1867); во втором — о книге Э. Пфейфера «Об ассоциации: Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть», которая была в списке книг Тифлисской семинарии.

⁴⁰ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии. С. 40.

⁴¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 37. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 1.

ду Н.В. Гоголем и славянофилами⁴³. В том же 1868 г. С.В. Керский нашел собрания сочинений Белинского, Добролюбова, а также Д.И. Писарева в ученической библиотеке Харьковской семинарии, но не считал нужным как-то прокомментировать этот факт. Это особенно интересно, так как в 1867 г. библиотека, основанная в 1862 г. учениками и первоначально пополнявшаяся и контролировавшаяся только ими, была подвергнута чистке по представлению инспектора и из нее были изъяты книги «не соответствующие цели духовного образования»: «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса, журналы «Современник» и «Русское слово»⁴⁴. Таким образом, ни для преподавателей, ни для ревизора чтение Белинского и Добролюбова в этот момент не было проблематичным.

В соседней Херсонской епархии С.В. Керский зафиксировал в 1868 г. более сложную ситуацию: в ученической библиотеке имелись сочинения В.Г. Белинского, но инспектор не выдавал их ученикам, так как не считал «безвредными». Вместе с Белинским в эту категорию попали «некоторые сочинения Пушкина». Судя по всему, такая политика инспектора провоцировала конфликты, так как он отказывался выдавать ученикам книги, рекомендованные наставниками, если те, с его точки зрения, не соответствовали «пониманию учеников семинарии (например, сочинения по естественным наукам) или же церковным временам (например, романы и повести во время церковных постов)». Видимо, ревизор посчитал это самоуправством и рекомендовал передать решение всех спорных вопросов о выдаче книг правлению семинарии⁴⁵. Проблематичный статус сочинений Белинского в том же году обсуждался правлением Астраханской семинарии, которое постановило передать их из ученической в фундаментальную библиотеку вместе с журналом «Современник»⁴⁶. Таким образом, только что изданное сочинение Дрейпера, видимо, плохо известное семинарским наставникам, не вызывало у них вопросов, в отличие от текстов критика 1840-х гг., об уместности чтения которого они готовы были спорить.

В 1869 г. ревизор С.В. Керский, ранее не обративший внимания на Белинского и Добролюбова, «рекомендовал» ректору Пермской семи-

⁴³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Раздел 1. Д. 61. Л. 263 об.

⁴⁴ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Харьковской епархии (в 1868 году). СПб., 1868. С. 26–27.

⁴⁵ Там же. С. 43.

⁴⁶ Ненарокомов И.А. О ревизии Астраханской семинарии и тамошнего духовного училища (в феврале 1868 г.). СПб., 1868. С. 12.

нарии обсудить с правлением вопрос о найденных им в ученической библиотеке сочинениях Белинского и Добролюбова: «могут ли подобные сочинения безвредно оставаться в обращении между воспитанниками»⁴⁷. Вероятно, изменение его отношения к статьям критиков было вызвано обсуждением отчетов ревизий в Учебном комитете, но стоит обратить внимание, насколько мягко в этом случае была изложена рекомендация. На отчете С.В. Керского обер-прокурор Синода Д.А. Толстой оставил ультимативный комментарий: «нечего обсуждать, велеть прямо перенести их в фундаментальную библиотеку и ученикам не выдавать»⁴⁸. Учебному комитету после этого оставалось только включить замечание в список определений по результатам ревизии⁴⁹.

Судя по всему, сочинения В.Г. Белинского и позднее не казались членам Учебного комитета опасными настолько, какими они были для обер-прокурора. Например, в 1874 г. Учебный комитет обсуждал допуск в семинарии в качестве учебного пособия «Русской исторической хрестоматии» К. Петрова (1873). В качестве комментариев в ней были использованы три цитаты из В.Г. Белинского и ссылки на его сочинения. Учебный комитет не нашел в цитатах «ничего особенного» и одобрил хрестоматию⁵⁰. Таким образом, можно предположить, что именно личное мнение Д.А. Толстого сыграло решающую роль в циркулярном запрете на Белинского и Добролюбова, тогда как чиновники Синода предпочитали более мягкие пути регулирования чтения, оставляя преподавателям ту автономию, которая была заложена в Устав 1867 г.

Эффективность циркуляров в целом была довольно низкой, поскольку они доходили на места с опозданием, зачастую застревая в канцеляриях епархиальных архиереев. Кроме того, у перегруженных другими обязанностями наставников духовных семинарий не было времени на то, чтобы всерьез заниматься пересмотром библиотек. Так, в ходе ревизии Вятской семинарии 1871 г. И.К. Зинченко расследовал дело о самоубийстве ученика среднего отделения в декабре 1870 г. Хотя проводивший вскрытие врач пришел к выводу, что семинарист покончил с собой из-за «скоротечного страдания мозга», ревизор решил разобратся в «умственной» и «нравственной» жизни самоубийцы. Для этого он использовал записи о выдаче книг из ученической библиоте-

⁴⁷ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Пермской епархии (в 1869 г.). СПб., 1871. С. 53.

⁴⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1869. Д. 1. Л. 22.

⁴⁹ Там же. Л. 31а.

⁵⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 80. Л. 60.

Петр Карлович Щебальский.
Из открытых источников

ки, среди которых оказались «книги и пустые, и дельные, и сообразные с целью воспитания и обучения в духовно-учебных заведениях, и несогласные с оной», в том числе сочинения Белинского⁵¹. Характерно, что почти год спустя после циркуляра 4 апреля 1870 г. собрание сочинений критика все еще находилось в ученической библиотеке, так что ревизор был вынужден просить изъять его наряду с «Образованием человеческого характера» Р. Оуэна, «Чтением из русской истории» П.К. Щебальского, «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского и «Отверженными» В. Гюго⁵². Таким образом, циркулярный указ обер-прокурора Синода не был выполнен в Вятской духовной семинарии в течение года, но никакого наказания за этим не последовало, а единственной мерой стало требование ревизора все-таки провести пересмотр каталога книг ученической библиотеки.

В 1872 г. сочинения Белинского все еще находились в ученической библиотеке Орловской семинарии, правда, ректор утверждал, что они не выдаются ученикам⁵³. Возможно, ректор не лукавил в этом случае, но сами семинаристы сознались ревизору, что брали Белинского и Писа-

⁵¹ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии (1871 г.). С. 62.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Орловской епархии в 1872 году. С. 67.

рева в городских публичных библиотеках⁵⁴. Скорее всего, как и в случае с воспитанником Вологодской семинарии, читавшим Дрейпера, они не посчитали, что такое признание может им навредить, т.е. не знали о запрете на чтение Белинского.

Опыт запрещения сочинений Белинского циркулярным указом Д.А. Толстого показывает, почему борьба с нежелательной литературой с помощью прямых запретов была бессмысленной, как и составление любого списка книг на уровне Учебного комитета. Вместе с тем озабоченность некоторых правлений статусом сочинений Белинского до указа Толстого показывает, что контроль за чтением не всегда был слабым местом, которое требовало вмешательства столичных ревизоров. Особенно показателен случай Подольской семинарии, где правление выявило в декабре 1867 г. существование «организации» из четырех воспитанников, занимавшихся распространением книг, «колеблющих основы церкви и общества и уклоняющих молодое поколение от серьезного приготовления к будущей деятельности». Они оказались «закоренелыми деятелями» распространения книг по «геологии, физиологии, <относящихся к> вопросу о положении женщины в обществе и <...> к естественным и социальным наукам»⁵⁵. Все эти детали ревизор узнал на месте, поскольку в отчете ректора Синоду за 1867/68 уч. г. было упомянуто только, что ученикам, «замеченным в пристрастии к чтению вредных книг», было предложено подать прошение об увольнении⁵⁶. Таким образом, как и во многих других случаях, семинарские правления предпочитали скрывать проблемные ситуации, сообщая в Петербург минимум информации, создавая впечатление, что они не замечают их вовсе.

В условиях, когда ревизорам Учебного комитета приходилось буквально вручную заниматься борьбой с «вредными» книгами, их отчеты могли бы послужить ориентирами для правлений и наставников. Печатные версии отчетов после обсуждения в Учебном комитете рассылались в семинарии и главам епархий именно с этой целью⁵⁷. Несмотря на то, что ссылки на отчеты действительно встречаются в делах семинарских правлений, нет данных, чтобы оценить степень

⁵⁴ Там же. С. 52.

⁵⁵ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии 1871 года. СПб., 1872. С. 4.

⁵⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчеты. Раздел 1. Д. 61. Л. 16.

⁵⁷ См.: Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2025. № 1 (73). С. 111.

эффективности этой меры. Так, в делах правления Симбирской семинарии за 1870 г. И.К. Зинченко нашел распоряжение ректора членам правления ознакомиться с впервые присланными в феврале этого года отчетами и обсудить, что «может быть применено» к Симбирской семинарии. В результате никакого письменного документа со сводом рекомендаций никем из учителей составлено не было, поэтому заседание закончилось «словесным соглашением собрания руководствоваться на деле указаниями ревизоров»⁵⁸. В 1875 г. в отчет ревизора С.И. Миропольского попал раздраженный комментарий по поводу постоянных ошибок в организации письменных работ: «в ревизорских отчетах давно уже подробно и обстоятельно разъяснен вопрос о сочинениях <...>. Значит, здесь наших отчетов или не читают, или не хотят принять их к сведению и руководству. Но тяжело и скучно повторять одно и то же»⁵⁹. Это эмоциональное восклицание можно применить ко многим другим аспектам семинарской жизни, исправлять которые пытались ревизоры.

В случае с чтением нежелательной литературы и недостатком контроля за книгами со стороны наставников сама проблема была выявлена ревизорами не сразу. Собственно, за 1867–1870 гг. в отчетах о ревизиях фигурируют только Дрейпер и Белинский. Переломными стали ревизии И.К. Зинченко конца 1870 — начала 1871 г. В пяти из шести посещенных им семинариях (Курская, Черниговская, Вятская, Казанская, Подольская) были выявлены проблемы с составом библиотек и «направлением» воспитанников. В отчете о Волынской семинарии ревизор даже посчитал необходимым указать: «Книг, находящихся в прямом противоречии с задачею семинарского обучения и воспитания, если не считать таковыми романов, в ученической библиотеке Волынской семинарии я не нашел»⁶⁰. Это составляет контраст с отчетами С.И. Лебедева, параллельно ревизовавшего девять других епархий: только в отчете о Калужской семинарии им было упомянуто о чистке ученической библиотеки, предпринятой самими учителями. Из десяти «непригодных» для чтения семинаристами некоторые издания были переданы в фундаментальную библиотеку («История философии» и «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса),

⁵⁸ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Симбирской епархии в 1873 году. СПб., 1874. С. 4.

⁵⁹ Миропольский С.И. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии 1875 года. СПб., 1876. С. 12.

⁶⁰ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Волынской епархии (1871 г.). СПб., 1872. С. 82.

а другие запрещены к выдаче — «Чтение из русской истории» П.К. Щербальского, «Об источниках и формах русского баснословия» Д.М. Щепкина (1859–1861), «Микрокозм: мысли о естественной и бытовой истории человечества: Опыт антропологии Г. Лотце» (1867)⁶¹.

В последнем по времени отчете о ревизии Казанской семинарии И.К. Зинченко сослался на опыт ревизий Черниговской, Курской, Вятской семинарий, чтобы заключить, что проблема «бесцельного, а иногда и вредного, чтения воспитанниками семинарии книг, не относящихся к их классным занятиям» повсеместная, а «полной возможности» уничтожить его у наставников нет⁶². Наблюдения Зинченко привели к двум результатам. Во-первых, его коллеги по Учебному комитету стали пристальнее следить за нежелательным чтением, так как замечания о книгах с этого времени все чаще попадают в отчеты ревизоров. Во-вторых, Учебный комитет посчитал нужным разработать в 1872 г. обязательные для всех «Правила касательно приобретения книг в ученические библиотеки и порядка чтения оных учениками», пойдя против духа Устава 1867 г. и вмешавшись в сферу деятельности, которую должны были контролировать сами семинарии. Учебный комитет, ссылаясь на отчеты ревизоров, констатировал проблему: ученики «нередко читают книги, не соответствующие ни возрасту, ни понятиям их, ни вообще целям духовного обучения и воспитания», а преподаватели «не обращают должного внимания на сей предмет и выписывают иногда для ученических библиотек книги, не ознакомившись предварительно с содержанием и направлением». Правлениям было предписано пересмотреть книги ученических библиотек, не покупать книги, «содержание которых неизвестно начальствующим лицам и наставникам», и поставить посещение публичных библиотек под контроль инспекции⁶³.

Как и в случае с циркуляром 1870 г., реализация этих правил зависела от ситуации в конкретной епархии. Например, в Новгородской семинарии после указа Синода каталоги ученической библиотеки были немедленно пересмотрены, но и «вредных» книг в ней не оказалось⁶⁴. В Харьковской семинарии в 1874 г. И.К. Зинченко обнаружил,

⁶¹ Лебедев С.И. О ревизии Калужской семинарии и духовного училища (в декабре 1871 года). СПб., 1872. С. 7.

⁶² Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. СПб., 1872. С. 38.

⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 42. I отд. 2 стол. Д. 56. Л. 3 об.

⁶⁴ Лебедев С.И. О ревизии духовно-учебных заведений в Новгороде (в 1873 году). Отчет. СПб., 1874. С. 7.

что, хотя правление еще в 1872 г. поручило «немедленно пересмотреть имеющиеся в ученической библиотеке книги <...>. Но и доселе ничего наставниками не сделано». Ревизор нашел в ученической библиотеке журналы «Дело», «Современник», «Вестник Европы», «романы Шпильгагена, изданные Делом, Ауэрбаха, а также Швейцера — Эмма»⁶⁵. Точность выполнения предписаний Синода и наличие «вредных» книг в библиотеке в обоих случаях закономерно коррелируют друг с другом.

Анализ введения запретов на чтение воспитанниками православных духовных семинарий определенной литературы позволяет увидеть бюрократические процессы внутри духовного ведомства в первые годы после начала реформы духовного образования. Заложенная в Устав 1867 г. идея широкой автономии правлений семинарий, которые должны были самостоятельно решать множество вопросов внутренней жизни учебных заведений, неизбежно давала сбой. Одни преподаватели заходили в своих педагогических экспериментах слишком далеко, другие вовсе не хотели ею пользоваться, ожидая указаний из Петербурга. В случае с запретом на книги происходило рассогласование того, что можно считать «вредным» или «несогласным с целью духовного образования» даже среди членов Учебного комитета, а не только среди преподавателей. Если даже антирелигиозный характер того или иного произведения далеко не всегда легко определялся наставниками, к тому же не имевшими времени и возможности следить за всеми новинками книжного рынка, то «антиобщественные» сочинения конца 1860-х — начала 1870-х гг. тем более оставались вне их внимания. Нельзя сказать, что проблема полностью игнорировалась семинарскими правлениями. В каждом учебном заведении ситуация зависела от множества факторов, хотя определяющей была позиция ректора и членов правления в вопросе о контроле за чтением воспитанников. В свою очередь Учебный комитет, члены которого далеко не сразу осознали степень остроты проблемы, в первые годы после реформы использовал разные средства для исправления ситуации. Степень прямого вмешательства Синода посредством циркулярных указов нарастала по мере того, как ревизоры раз за разом сталкивались с одними и теми же «вредными» книгами и теряли надежду на самостоятельность семинарских правлений или внимание к печатным отчетам как форме управления ду-

⁶⁵ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). СПб., 1875. С. 17.

ховным образованием. Даже циркулярные указы Синода по разным причинам могли игнорироваться на местах. Таким образом, несмотря на суровые наказания за чтение запрещенных книг воспитанниками духовных семинарий, эта область продолжала оставаться сферой неопределенности как для воспитанников, так и для учителей, что в конце концов приводило к казусам, подобным описанному в журнале «Вперед!»: ни семинаристы, ни инспекция не могли подозревать, что читают «вредную» книгу.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-18-00520 <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Лучкина О. А. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие. *Детские чтения*. 2012;2:115–135.
Luchkina O.A. The Silhouettes of Children's Readings Advisors: A Cleric, A Minister, A General, and Others. *Detskie chteniya = Children's Readings*. 2012;2:115–135. <https://www.elibrary.ru/uhbvpf> (In Russ.).
2. Михайлов Б.Г. *Предвестники бури: очерки о революционных народниках — вологжанам*. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977. 121 с.
Mikhailov B. G. *Harbingers of the Storm: Essays on Revolutionary Narodniks from the Vologda Region*. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1977. 121 p. (In Russ.).
3. Орлова Ю.П. Реформа духовного образования 1860–1870х гг. и нравственный облик служителя церкви в представлениях членов семинарского сообщества. *Новое прошлое / The New Past*. 2024;1:44–61.
Orlova Yu.P. The Theological Education Reform of the 1860s–1870s and Moral Image of the Orthodox Clergy in the Seminary Community

- Members' Representations. *The New Past*. 2024;1:44–61. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18522/25003224202414461>
4. Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2025;73(1):105–120.
Orlova Yu.P. Auditors of the Educational Committee under the Holy Synod as Agents of the Reform of Theological Education of 1867. *Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2025;73(1):105–120. (In Russ.).
[https://doi.org/10.26456/vthistory/2025.1.105–120](https://doi.org/10.26456/vthistory/2025.1.105-120)
5. Ферапонт (Широков П.Ф.), иером. Система ревизий духовноучебных заведений во второй половине XIX — начале XX вв. *Христианское чтение*. 2024;2:253–260.
Ferapont (P.F. Shirokov), Jerome. Audit System at Theological Educational Institutions in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Christian Reading*. 2024;2:253–260. (In Russ.). https://doi.org/10.47132/18145574_2024_2_253

 Юлия Александровна Сафронова
Julia A. Safronova

кандидат исторических наук, доцент
факультета истории АНООВО
«Европейский университет
в Санкт-Петербурге»,
SPIN-код: 6428-8640,
AuthorID: 917014,
ORCID: 0000-0003-3900-1994

C.Sc. (History), Associate Professor at the
Faculty of History, European University
in St. Petersburg,
SPIN-code: 6428-8640,
AuthorID: 917014,
ORCID: 0000-0003-3900-1994

Поступила в редакцию /
Received
13.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.02.2026

Принята к публикации /
Accepted
16.03.2026